

Ольга Мяхар, Дарья Ковальская

**ДНЕВНИК НЕУДАЧНИЦЫ. НАЧАЛО ПУТИ
Я И МОЙ ЛЕТУЧИЙ МЫШЬ**

Ольга Мяхар

**АГЕНТСТВО МАГИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ
ОСОБО ОПАСНАЯ ВЕДЬМА**

АНГЕЛ

МУТАНТКА

НЕПОДДАЮЩАЯСЯ

ДНЕВНИК МАГА

НОВАЯ ЖИЗНЬ

А ОБЕЩАЛИ СКАЗКУ...

ДНЕВНИК КОТА МАГА

Ольга Мяхар, Дарья Ковальская

Я и мой летучий мыш

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М99

Художник
С. А. Григорьев

Мяхар О. Л., Ковальская Д. А.

М99 Я и мой летучий мышь: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 312 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1281-5

Никогда, слышите, НИКОГДА не беритесь за заказ, если не знаете всех обстоятельств. Это говорю вам я — профессиональная воровка. Польстившись на безделушку, я взяла заказ на картину. И все бы ничего, если бы картина не принадлежала василиску. Ну а что вышло из этого — читайте сами.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1281-5

© Мяхар О. Л., Ковальская Д. А., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

*ПРОЛОГ,
или Как все начиналось*

Окно было слегка приоткрыто. Я подпрыгнула и, подтянувшись, уселась на выступе около окна. Мышь завозился на плече, устраиваясь поудобнее.

— Давай, теперь твоя очередь, — прошептала я и нагло впихнула его в щель.

Мышь, как и следовало догадаться, застрял. Послышался сочный мат и натужное сипение. Я на всякий случай достала кинжал и стала примериваться к его филейной части. Оглянувшись, с ужасом уставившись на острый кончик лезвия, напарник громко пискнул и с тихим хлопком все-таки влетел внутрь темного помещения.

— Поднимай защелку, — прошипела я, неуютно чувствуя себя на сравнительно небольшом участке дерева, выступающем из стены. Да и стражники могли пройти в любую минуту.

В комнате послышалось хлопанье крыльев, потом тихо скрипнула снимаемая защелка, и окно резко распахнулось... наружу.

Потеряв равновесие, я взмахнула руками и тут же рухнула вниз, с головой окопавшись среди колючих ветвей кустарника. Взыв от боли, я посмотрела наверх и увидела удивленную рожицу мыша, свесившегося с подоконника.

— Ты не ушиблась?

Гениальная фраза!

— Нет.

Зато вся теперь исцарапана. Я попыталась было встать, но тут мышь активно замахал мне крыльшками и, пытаясь ухачь как сова (то есть это мышь думает, что как сова, но как летучая мышь может ухачь — я до сих пор не понимаю), после условного писка прошипел: «Стража», — и тут же скрылся в комнате.

Я попыталась устроиться поудобнее среди колючих веток,

нащупала рукой сонного ежика и на всякий случай отодвинула его подальше. Ежик удивился и попытался вернуться, но тут возле кустов раздалось тяжелое топанье стражей порядка, и мы притаились.

— Нет, ты неправ, — донеслось до меня.

— В этом деле спешить не стоит. Вино — оно как баба: выпил сразу и много — потом долго воротит. Выпил мало — хочется еще. А если наутро после попойки, да еще не похмелившись... то сойдет любая, лишь бы не мужик.

Послышался звучный смех блюстителей порядка. Я поморщилась, переживая их уход, и постаралась незаметно сгустить ветки перед собой, а то вдруг заметят ненароком.

— Вы идите, ребята, а мне этот кустик приглянулся, ох, что-то много я сегодня выпил.

Я застыла, в ужасе глядя в небольшой просвет на идущего в мою сторону довольно грузного здоровяка, уже на ходу растегаивающего ремень. Рука машинально шарила вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого. Не надо было быть зорким и трезвым гением, чтобы углядеть в кустах меня, а углядев — не пожелать задать пару-тройку вопросов.

Мужик подошел почти вплотную. Моя рука нащупала ежа. И пока здоровяк пытался справиться с пуговицами на штанах, я уже швыряла в него несчастное животное.

Рев, крик и топот удирающего стражника. На шум тут же прибежали остальные стражники. Здоровяк сидел на мостовой, громко и со вкусом ругался, а в руку уже тыкался мокрый нос моего недавнего «снаряда». В общем-то правильно: бежать, кроме как ко мне, было больше и некуда.

Следующие минут пять мы слушали о летающих колючих ежах, один из которых только что напал на него и, громко пискнув от счастья (прибью мыша!), улетел дальше, видимо, к следующему посту. Его тут же подняли на смех и даже предложили проверить кусты в поисках этого чуда природы (я чуть не поседела), но потом просто подняли, отряхнули и повели израненного друга в следующую таверну — «промыть раны».

Еле дождавшись, когда звук удаляющихся шагов затихнет вдали, я тут же вскочила на ноги. Прыжок, подтянуться. И вот я уже вновь сижу на том же самом выступе. Мышь больше не хихикал, прекрасно понимая, что рискует вывести меня из себя окончательно и, как следствие, получить по шее. Отодвинув его, я прыгнула в комнату и тут же затаилась, чутко при-

слушиваясь к окружающим звукам и шорохам. Мышь взмахнул крыльями и легко приземлился мне на плечо, поблескивая в темноте бусинками глаз.

Тишина стояла полная. Под дверью не горел свет, нигде не скрипели половицы, весь дом был погружен в сон, беспечно доверившись стражам порядка и большому амбарному замку, висящему на двери. Я облегченно выдохнула и сделала шаг вперед.

Визг несчастной половицы чуть не довел меня до инфаркта. Замерев на одной ноге, я старалась даже не дышать. Но никто не встал. Рискнула сделать следующий шаг.

Нет, они точно издеваются! Следующая половица рыдала не тише своей соседки, третья чуть не подломилась под ногой, зато четвертая даже и не подумала скрипнуть. Мышь уже всю захлебывался смехом... на подоконнике, с интересом наблюдая за мной. Я грозила ему кулаком и строила зверские рожи, чтобы он заткнулся, но этот гад, прекрасно сознавая, что находится вне зоны досягаемости, на угрозы не реагировал, зато предлагал — раз уж такое дело, «не мучиться и просто включить свет — все равно шумим». Я мужественно проигнорировала его «добрые» советы и, сплюнув на пол, уже не таясь зашагала к небольшому камину в углу. Закрыв глаза и сосредоточившись, с трудом увидела небольшое красное пятно на периферии. Протянув руку, нащупала довольно старый, с отбитым краем кирпич в стенке камина и, не раздумывая, нажала на него, в который раз произнося мысленную молитву благодарности своей судьбе за столь полезный дар: видеть сокровище.

Кирпич поддался легко, и камин тут же с протяжным гулом, подняв тучу пыли, начал поворачиваться вокруг своей оси. Мы с мышом закашлялись, а в доме зажегся свет, полоску которого я уловила под дверью. Послышались удивленные голоса и звук шагов по направлению к комнате.

У меня было очень мало времени. За камином оказалась небольшая комнатка, в данный момент заполненная облаком пыли. Сощурившись и задержав дыхание, я забежала внутрь и тут же вцепилась пальцами в стоявший в центре большой кованный сундук. Попыталась поднять крышку, но она не только не поддалась, но еще и мои пальцы явно намертво прилипли к ней, не желая отделяться от деревянной поверхности.

— Пых, ты мне нужен.

К счастью, я тут же услышала знакомое хлопанье крыльев, а еще через мгновение он уже приземлился на крышку сундука.

— Сколько раз повторять, я не Пых, я — Пыхторий!

Но я его уже не слушала, откидывая крышку и судорожно роюсь внутри деревянного ящика. Мышь не успел вовремя взлететь и теперь валялся на полу, испачканный в пыли, страшно ругаясь.

Ну где же она, где? А, вот она!

Схватив довольно массивную книгу и сунув ее в небольшую сумку, висящую на поясе (если бы приемная мать не подарила мне безразмерную суму, сдавшись под напором аргументов все той же тетки Розы, я прям и не знаю, что бы я без нее сейчас делала), подхватила мыша и кинулась обратно в комнату. И вовремя: в замочной скважине как раз со скрипом поворачивался ключ, но я уже спрыгнула вниз с подоконника, угодив во все те же колючие кусты и чуть не наступив на спящего там ежика. Подпружинив ногами от земли и с боем проравшись сквозь колючие заросли, я рванула к такой долгожданной свободе, которая начиналась в дырке ограды соседнего дома. И только мы скрылись под сенью чужих яблонь — весьма и весьма запущенного кем-то сада, — как из окна обворованного мною дома высунулся худой, в белой ночной рубашке и колпаке старик с длинной палкой в руке. Он оглядывался по сторонам и водил посохом — вслед за взглядом. Я съежилась недалеко от ограды, молясь сразу всем умершим родственникам, чтобы маг меня не заметил.

И то ли родственники как раз незримо пролетали мимо, то ли ночь была слишком темной, но старик, выругавшись и сплюнув вниз, все-таки убрался обратно в окно, угрюмо и резко объясняя, «что случилось», невидимой мне отсюда женщине с тонким, слегка визгливым голоском.

— Линяем, — шепнул мышь и попытался взлететь.

— Куда! — Я поймала вредителя за крыло и тут же сунула себе за пазуху. Мышь пытался отбиваться, но безуспешно. — Всю конспирацию нарушишь.

Я осторожно поползла вперед, стараясь держаться подле ветвистых кустов и деревьев.

Мышь все осознал, понял и больше не вырывался, правда, потихоньку ругался себе под нос, искренне уверенный, что я

его не слышу. Я не стала разочаровывать пушистика, мысленно обещая себе разобраться с ним дома.

К дому, довольно-таки ветхому строению аж в два этажа, окруженному давно заброшенным садом, я подошла уже ближе к рассвету. Солнце еще не встало, но чуть посветлевшее небо лениво гасило редкие искорки звезд, выкатывая прочь за горизонт обглоданный серп луны. Зевнув, я вошла в проход, зияющий выбитой в незапамятные времена дверью. Поднявшись по скрипучим ступеням, кое-где местами обвалившимися от дряхлости, на чердак дома, достала ключ из сумы и вставила его в замок. Радуюсь, что, сколько бы я ни положила в суму, всегда, засовывая руку внутрь, извлекаю в первую очередь то, что мне надо, а не то, что сунула в нее последним.

Посреди огромной, поистине царской комнаты с отклеивающимися от стен обоями, когда-то голубыми, а теперь просто грязно-серыми, стояла огромная кровать под балдахином, на которую я рухнула, с удовольствием зарываясь лицом в любимое пуховое одеяло. Горло что-то царапнуло, заставив вздрогнуть, и вот уже из-за пазухи, выпучив глаза и жадно лоя ртом воздух, выбирался Пых, хрипя и пища: «Караул, убивают!»

Пришлось перевернуться на спину, сесть и извлечь страдальца полностью. Упав на подушку и задрвав кверху лапы, он со стоном попросил воды. Пришлось встать и идти к вбитому прямо в стену рукомойнику, стоявшему рядом с небольшой, но чугунной ванной кустарного гномьего производства. Вода туда поступала бесплатно, по маговодоканалу. Проще говоря, я по-тихому уворовывала столь ценный ресурс у одного рядом живущего богача. Славка, сын кузнеца, организовал мне все это бесплатно, обладая огромными связями и «горячим чувством» ко мне. Воде я обрадовалась, а чувствам — не очень, о чем и заявила парню... Славка расстроился, поклялся в вечной любви и... через месяц женился на другой, чем поверг меня в стойкое ощущение собственной неполноценности. Я все никак не могла понять, почему вечность — такая короткая. А я ведь даже и подумать толком не успела.

Вода с шипением и плевками натужно потекла из крана, наполняя кружку с отбитой мышом ручкой до краев. На кружке были изображены три кошки, а еще одна — в виде глиняной фигурки — сидела на краю и с интересом заглядывала внутрь.

Пых эту кружку считал своей и очень ее любил. И поэтому мне из нее пить строго воспрещалось. Да я и не стремилась, тем более что размером она была как раз для новорожденного ребенка, а никак не для взрослого человека.

Подойдя к кровати, я сунула кружку Пыху в лапы и плюхнулась рядом. Тут же последовал возмущенный писк:

— Кэт, из-за тебя я теперь весь мокрый!

— Не преувеличивай. Всего пара-тройка капель.

Недовольное сопение и бурчание под нос. После чего мышь старательно обхватил кружку крыльями с пальцами на концах и начал пить. Я раньше считала, что у него не крылья, а лапы, но с перепонками. А мышь завопил, что я неуч и в его анатомии ничего не понимаю. Гм, возможно.

— Покажи книгу.

Пых уже допил, и теперь кружка попросту валялась неподалеку, а рядом с ней по подушке расплывалось небольшое мокрое пятно.

— Пых! Я же здесь сплю!

Пых удивленно посмотрел на кружку, поднял ее, а потом, натужно пыхтя, передвинул край второй подушки так, чтобы пятно на первой не было видно. Посмотрев на меня, он старательно улыбнулся и смущенно затеребил краешек одеяла. Я тяжело вздохнула и все-таки достала из сумки очень пыльную недавно украденную книгу. Долго и старательно отряхивала ее над полом, после чего положила в центр кровати. Мышь тут же полез смотреть картинки, мне тоже было интересно посмотреть.

Перевернув первую страницу, мы удивленно уставились на рисунок — лежащей на столе человеческой женщины, живот которой был распорот, а внутренние органы красиво разложены вокруг.

— Это что? — ошарашенно смотря на картинку, спросил мышь.

Я задумчиво почесала затылок и перевернула сразу несколько страниц.

Лучше бы я этого не делала!

Мышь — весь зеленый, с круглыми от ужаса глазами, подергивая правым ухом и веком, — смотрел в картинках на то, как надо препарировать летучих мышей. Я решительно захлопнула книгу.

— Кэт!

— Да не волнуйся ты так, завтра отдадим книгу заказчику, и ты все забудешь.

— Ни за что! Это... это ужасно!

Я взяла Пыха на руки и, старательно замотав его в детское одеяльце, усадила на подушку, потом сбегала к холодильнику и с интересом в него заглянула. В дальнем углу холодильника сиротливо стояла полупустая баночка мороженого.

Да, пора бы и за покупками сходить, а то мы так с голоду помрем.

Вернувшись с мороженым и двумя ложками, я принялась старательно кормить мыша лакомством.

После первой ложки пушистик сменил цвет на обычный — черный, после второй взял сам ложку в лапку, а после третьей и вовсе забыл о жуткой книге, которую я уже спрятала обратно в суму.

— Вкуснотища.

Я улыбнулась и, облизав ложку, откинулась на подушки. Мышь доедал остатки лакомства, громко стуча ложкой по стенкам банки. А за окном занимался рассвет.

— Поспим пару часиков, а потом пойдем к меняле.

Мышь что-то ответил с набитым ртом.

— Разбудишь меня?

— Угу.

Я с трудом сняла сапоги, помогая себе только ногами, и с восторгом зарылась в одеяло, натягивая его до подбородка и чувствуя, как тяжелые веки наливаются свинцом.

Наконец-то можно поспать.

Когда я проснулась, уже вечерело. Удивленно посмотрела в окно, довольно большое и круглое, расположенное напротив кровати, затем перевела взгляд на бессовестно храпящего кверху пузом Пыха и тут же вскочила на ноги. Катастрофа! Меняла вполне уже мог уйти из условного места, а это означает не только потерю денег, но и дальнейших заказов в перспективе...

Я заметалась по комнате, пытаюсь найти сапоги. Обнаружив первый сапог и натягивая его на правую ногу, оглядываюсь в поисках куда-то запропастившегося второго. Мышь счастливо всхрапнул во сне. Я отчетливо скрипнула зубами. Ну, погоди у меня. Сбегав к раковине и наполнив первую попавшуюся кружку, я вернулась и с наслаждением вылила воду

на похрапывающего напарника. Послышалось бульканье, а потом возмущенные крики, визг, и мокрый ошарашенный мышь начал метаться по комнате, обдавая меня веером брызг. Я попыталась было отпрыгнуть в сторону, но обо что-то споткнулась и с грохотом рухнула на пол. Приглядевшись — поняла, что споткнулась о свой второй сапог.

Морщась от боли в ушибленном локте, пытаюсь обрадоваться данному факту, натягиваю трофей на вторую ногу с дырявым носком. Нахохлившийся и весь из себя разобиженный, мышь сидел на спинке кровати, возмущенно следя за моими действиями.

— Так, я готова, пошли.

Ноль внимания, воз презрения.

— Пых, спускайся.

Ага, шазз. Этот гад еще и отвернулся, явно замышляя забаву. Ну уж нет! Я, значит, бегай по городу в поисках менялы, а он тут дрыхнуть будет?!

— Пых, или ты сейчас же спускаешься, или я... — Я тяжело задумалась. Пых заинтересованно обернулся, кося на меня правым глазом. — Или я потрачу весь гонорар за книгу без тебя.

Хлопанье крыльев — и вот он уже сидит на моем правом плече. Я хмыкнула, но тут же почувствовала сильную боль в правом ухе.

— Это тебе за душ, — отплевываясь, сообщил мышь, пока я щупала пострадавшую мочку.

— Ты же сам обещал меня разбудить и проспал! — взвыла я.

— Я — маленький. Мне можно, — выдал этот свиненок и снова нахохлился.

Плюнув и решив пока спустить ему это с лап, метнулась к двери, громко хлопнув ею за собой, вихрем пронеслась по лестнице, перепрыгивая через две ступени сразу и мысленно вспоминая — какие по счету из них обвалились. К счастью, я не ошиблась ни разу и вскоре уже неслась по улице, искренне надеясь, что меняла все еще сидит в трактире.

Меняла и впрямь еще не ушел. Хотя хозяин уже раз пять намекающе хмыкал, поглядывая в его сторону и удивляясь столь длительному пребыванию в своем заведении. Но мужчина все не уходил — он ждал и ждал только потому, что сегодняшний заказ с лихвой бы окупил все его труды и страдания.

«Воровка обещала принести заказ в срок и раньше опаздывала крайне редко, — размышлял он. — Что ж, и у матерых воров старой закалки могли возникнуть внеплановые обстоятельства». А потому он мог себе позволить заказать еще одну кружку пива и соленой рыбки. Но эта кружка будет точно последней, и пусть Кэт потом пеняет на себя, ежели больше ни у одного менялы в городе она не получит заказов. Зато получит целый воз проблем, уж это он гарантировал.

— Хм, а пиво все же здесь отменное.

Я влетела в таверну, наполненную табачным дымом, и тут же завертела головой по сторонам.

— Вон он, в углу сидит, — подал голос мыш, которому уже надоело дуться на меня.

Я кивнула и уже более спокойной и степенной походкой направилась к угловому столику, пытаясь выровнять дыхание.

Меняла поднял голову и встретил меня широкой масленистой улыбкой на противном лице. Я вежливо улыбнулась ему в ответ, вглядываясь в холодные, нетерпеливо поблескивающие глаза. Дождался.

— Садись, Кэт.

Я послушно села и подала знак хозяину, уже суетящемуся неподалеку.

— Чего изволите?

— Ужинать изволю, и чтобы все было, как я люблю, — прощедила я сквозь зубы.

Пару раз у нас с ним уже были разногласия по поводу свежести блюд, входящих в меню, но после того, как я запихала поданную мне протухшую рыбу и синюю картошку прямо ему в глотку, — он присмирел и больше не натравливал своих псов. А то уж больно возгордился. Решил, что раз к нему только уголовники заглядывают, то какой-то девчонке с грязной мышью здесь не место, а коли и место — то только в качестве прислуги, а заодно и шлюхи.

— Сейчас же все будет готово, не извольте беспокоиться, — разулыбался трактирщик и тут же скрылся на кухне.

Меняла задумчиво смотрел ему вслед. Он и сам был свидетелем тому, как я носилась по трактиру с двумя тонкими длинными лезвиями и, не убивая, калечила всех тех, кто вставал на моем пути. Он наверняка еще тогда хотел спросить о моем происхождении, но смолчал, прекрасно понимая — я все рав-

но не отвечу. А захочу — расскажу и так без всяких распросов...

— Итак, я принесла то, что вы просили.

Меняла перевел взгляд на меня и слегка кивнул головой. Я достала книгу из сумы и под столом осторожно передала ее заказчику. Почти сразу нащупала приятно тяжелый кошель в его толстых пальцах.

Книга мгновенно исчезла в складках его странного одеяния: то ли плащ, то ли ряса монаха — не поймешь. А я, нимало не смущаясь, занялась пересчетом денег. Мышь тут же слез с моего плеча и громко потребовал, чтобы и ему дали посчитать, я не возражала, звякнув мешочком о стол. Тем более что все монеты и впрямь были на месте. Пых старательно принялся выгребать из мешочка деньги и раскладывать в красивые стопочки. Меняла поморщилась, а к нам тут же начали проявлять нездоровое внимание криминальные элементы, сидящие неподалеку.

Драки все-таки избежать, а жаль. Те, кто меня знает, — не полезут, помнят, кто я и что могу. Но вот новички, а таких здесь всегда полно... Ладно, справлюсь.

Тут как раз вовремя подоспел сам хозяин и принялся выставлять на стол салаты, еще дымящуюся курицу, картошку, полный кувшин кваса и такой же с водой (прокипяченной — для мыша). Ну и еще была пара тарелок с грибочками и огурчиками-помидорчиками. Я глубоко вдохнула запах еды и чуть не захлебнулась слюной. Так, стоп, манеры и еще раз манеры!

Мышь продолжал самозабвенно считать деньги.

— Есть еще заказ? — Я удивленно посмотрела на все еще сидевшего рядом со мной менялу.

— Есть, — улыбнулся он. Мне стоило огромных усилий не соорудить брезгливую гримасу на лице.

— Выкладывай.

— Царский кубок власти.

Мышь тут же отвлекся от денег и удивленно уставился на человека.

— Погоди, — (я, кстати, молчала, прикидывая, как бы его вежливо выпроводить из-за стола), — ты ведь не знаешь, каков гонорар.

Пренебрежительно фыркнула.

— Браслет Мебиуса, — вкрадчиво.

Улыбка медленно сползла с моего лица.

— Врешь. — Старательно откашливаюсь, прогоняя хрипоту из голоса. — Браслет — миф.

— Нет, и вдобавок к нему — я дам сумму в десять раз большую, чем сегодня.

Пых удивленно переводил взгляд с менялы на меня и обратно.

— Кэт, ты же не собираешься... — робко начал он, но я его перебила:

— Мне нужен план дворца.

Мышь вздрогнул и рухнул на спину, обвалив своей тушкой только что построенную финансовую пирамидку.

— Считай, что тебе сегодня очень повезло — я как раз схватил его с собой.

Криво улыбаюсь, буквально видя, как дверца ловушки захлопывается за моей спиной.

— Ну что ж, Кэт, мне пора. Встретимся здесь же завтра.

Я удивленно подняла брови:

— Ты даешь мне всего сутки?!

— Ты же знаешь, как быстро просачиваются слухи. А я не хочу, чтобы к твоему триумфальному приходу были готовы заранее.

Я чуть было не кинулась за уже удаляющейся грузной фигурой, как вдруг почувствовала — меня кусают за палец. Опустив голову, я встретила с трагичным взглядом несчастного мыша.

— Скажи, а сумасшествие — это заразно, или у меня еще есть шанс остаться нормальным?

На выходе меня и вправду уже ждали — три наглые широко ухмыляющиеся рожи с чересчур уж заgreбущими ручонками. Вот по рукам они и получили. Пых, понимая, что он тут лишний и его могут задеть, следил за развитием событий с ближайшей крыши. Много времени это не заняло, я даже клинки пачкать не стала. И вот уже у заборчика, в ближайшей луже, под морозящим дождем лежат все трое — в надежной и долговременной отключке. Мышь немедленно перелетел обратно ко мне, только устроился в этот раз на макушке под капюшоном, заявив, что так — теплее.

Мокро.

Угу, а то, что вода с его намочшей шкурки течет мне прямо за шиворот, его, конечно, не интересовало.

Я решила не заходить домой, а сразу и отправиться к дворцу. Сжимая в кулаке переданную менялой карту в виде горошины, терпеливо ожидала, пока все знания улягутся в голове. Вскоре процесс наконец-то закончился, горошина истаяла, не оставив после себя и следа, а перед глазами еще некоторое время, слегка перекрывая окружающее восприятие, виднелись смутные очертания коридоров дворца и жирная красная линия, ведущая от одной из его стен к огромному помещению в подвале, гордо именующемуся хранилищем.

Поделившись впечатлениями с мышом, я предложила сразу идти к стене.

— А как ты ров с отравленной водой пресечешь? А как на стену влезешь? Или ты уже научилась летать? — язвительно поинтересовался Пых.

— Ты прав. Может, тогда ты слетаешь? Я тебе все подробно опишу, кубок ведь не очень тяжелый.

Мышь удивленно замер, а потом еще минут десять возмущался, что он никуда, никогда, ни за что один не полезет, и вообще я — наглый эксплуататор...

— ...Ты согласилась на это безумие, ты и иди!

Я фыркнула:

— Трусишка.

— Кто? — поразился Пых.

— Ты.

— Я?!

— Ну не я же испугалась — всего-то пройтись по двум-трем коридорам и стащить один несчастный стакан.

— Что?! Так, все, давай сюда свою карту — сам полечу и все принесу, я не ТРУС!!!

— Не могу.

— Чего не можешь?!

— Карту дать. Я ее уже активировала.

— Так, ну и кто из нас идиот?

— Я не говорила «идиот», я сказала...

— Сказала не сказала, — все, пришли.

Удивленно останавливаюсь и озираюсь по сторонам.

Мышь оказался прав — передо мной был край того самого рва, от которого ветер разносил по городу гнилостно-тошнотворный запах. За ним же возвышались неприступные с виду стены, окружавшие сад, в центре которого и располагался дворец.

— Какие будут еще гениальные идеи? — Надо ж, сколько сарказма-то от небольшого комочка меха, выглядывающего из-под моего капюшона.

— Не знаю, — буркнула я и принялась задумчиво ходить взад и вперед вдоль рва.

— Я тебе не говорил, что ты — великий стратег в планировании операций?

— Мышь, не зарывайся, — угрожающе произнесла я. Но на мой ледяной тон и скрип зубов банально наплевали.

— Нет, ну это ж надо! Пошла грабить короля. Куда? Как? Зачем? Почему — неважно?! Вот сейчас ка-ак войдем, ка-ак обворуем всех и каждого! Наплевав на магическую и физическую защиту монаршего имущества. А для полноты картины тебе явно стоило еще и выпить.

Я зарычала, чувствуя, как холодный ветер продувает мокрую ткань штанов, а дождь только усиливается.

— Так, ладно. Ладони подставь. — На голове зашебуршились, и мышь скатился на мои ладони. Тут же, старательно выпрямившись и всем своим видом демонстрируя гордое пренебрежение всем подряд, и мной в частности, он крайне хмуро на меня посмотрел и повелел: — Говори как? Куда и сколько раз свернуть? Только учти — я влечу в окно, предварительно его разбив. Твое счастье, что у меня дар гасить магию одним прикосновением — поэтому стекло и станет пробиваемым.

Я только поморщилась: не люблю, когда мне объясняют прописные истины, а о своей уникальности Пых готов рассказывать часами, восхищаясь самим фактом существования такого чуда, как он сам.

— Ладно, слушай...

Следующие полчаса я старательно твердила ему про количество и направление поворотов, а потом еще и описывала приметы самого кубка. Мышь, к счастью, на память никогда не жаловался, а потому запомнил все довольно быстро и, кивнув мне напоследок, улетел за стену. Мне же не оставалось ничего другого, как просто ждать.

Четыре часа под проливным дождем. Я замерзла, промокла и посинела от холода. Все, о чем я еще могла мечтать, скорчившись под небольшим козырьком дома напротив стены, так это о заклинании сухости и теплой постели. И все. Хотя нет — лучше буду мечтать о горячей ванне, это более желанно в та-

кую погоду, но, к моему огромному сожалению, в данный момент это недоступно.

А мышь все не появлялся.

Сначала я за него боялась. Потом ругала, потом тихо и твердо ненавидела, прочно похоронив в душе, и даже с полчасика развлекала себя тем, что придумывала фасон надгробия и надпись на его могилке. Фасон получился почти сразу, а вот с надписью было труднее: учитывая, что она вся сплошь состояла из ругательств и неприличных слов, вряд ли мне дадут ее нацарапать на камешке после молитвы о его душе. Хотя о чем это я? Он же не относится к видам существ, которых отпевают в храме и хоронят на кладбище, а значит, хоронить буду, как захочу, и напишу, что захочу.

Я мечтательно закатила глаза. Вот придушу Пыха, зарюю, напишу последние пожелания о загробной жизни и....

Бум. Я схватилась за голову, чувствуя, как все плывет перед глазами. У моих ног по грязи прокатился грязный, но все еще сверкающий кубок, а прямо передо мной сидел злой нахохлившийся мышь.

Я покачнулась и начала медленно заваливаться набок...

— Эй, эй, ты чего? Кэт, вставай! Не вздумай отключаться. Я тебя до дому не дотащу!

Лежу в луже, неподалеку валяется самый дорогой стакан в королевстве, а у меня на груди, накрывшись краем насквозь промокшего плаща, дрожит от холода Пых, умоляя не придуриваться и срочно идти домой, на худой конец — ползти.

Надо встать...

И я отключилась.

Как я добиралась до дому — не помню, может, и ползком. По крайней мере, иногда — это точно. Но я дошла! И даже донесла кубок и мыша. Хотя куда он-то (в смысле мышь) денется?

Уже дома, кое-как придя в себя и выпив аж три настойки из неприкосновенного запаса (мне и впрямь было плохо — то бил озноб, то бросало в жар, а отдавать добычу надо уже сегодня), я налила горячую ванну и со стоном наслаждения погрузилась в слегка рыжеватую воду. Мышь уселся на краю и изучающе касался воды то одной лапой, то второй, размышляя: нырять сейчас или подождать, когда вода немного остынет?

Мне же было хорошо. И в итоге я просто уснула, не дожидаясь — чего там решит Пых.

— Буль. Буль. Плюх. Бульк... плюх. А-а-а, мама!

Я с трудом приоткрыла правый глаз и увидела Пыха, сидящего на моем колене и с ужасом изучающего свою правую ногу.

— Чего там? — сонно поинтересовалась я.

— Заноза! Но я ее уже почти выдернул, — буркнул, не поворачиваясь ко мне мордочкой.

— А-а-а.

— Вот, все. Вытащил, смотри, какая огромная!

Я изучила что-то мелкое и черное и, уже закрывая глаз, отметила, что Пых зачем-то еще раз потряс этой гадостью у меня перед носом, но я уже вновь засыпала, с недовольством ощущая, как слишком быстро остывающая вода неприятно холодит тело.

Мышь тем временем встал на моей коленке, высовывающейся из воды, с силой оттолкнулся и радостно прыгнул в воду. Плюх.

Я сообразила, что «бульк» — это когда без брызг, а «плюх» — это наоборот, смахивая капли воды с ресниц.

— Кстати, а который час?

— Понятия не имею! — Мышь опять забирался на мое колено, ему явно нравилась эта забава. Повернув голову и посмотрев в окно, я поняла, что пора собираться, ибо я слегка опаздываю. А потому коленка нырнула под воду, а с нею и зазевавшийся Пых.

Бульк.

Он тут же вынырнул, отплеываясь и ругаясь. Я покаянно улыбнулась, вытащив его за ногу из ванны и аккуратно посадив на бортик. Правда, благодарности так и не дождалась, зато опять узнала о себе много чего нового и интересного.

Быстро одевшись в раскиданную по всей комнате одежду и схватив с тумбочки еще мокрого мыша, вытиравшегося краем полотенца, я в спешке выбежала из дома в направлении таверны.

— Потом зайдем на рынок за продуктами, — пискнул мышь, забираясь мне за пазуху и уютно сворачиваясь там клу-

бочком, а заодно попросив не скакать как ненормальная коза. А то его, видите ли, трясет. Пришлось идти быстрым шагом.

И все же я успела.

Меняла обрадовался мне как родной. Крикнул трактирщика, заявив тому (о чудо), что он готов заплатить за обед для меня. Я мудро не стала возражать, а мышь по такому случаю лично полетел на кухню: раздавать указания и следить за процессом. (Здесь его все знали, так же, как и меня.) А потому я была уверена — никто его не тронет.

Процесс обмена товара на деньги до боли напоминал вчерашний. Только теперь не было мыша, уж он-то пересчитал бы все монетки с превеликим усердием. Что я сама и сделала, ничуть не стесняясь менялы.

Но не деньги в данный момент занимали все мои мысли, а невзрачный браслет из тусклого серебра, отданный как часть оплаты, который я тут же надела на правую руку и, затаив дыхание, уставилась на украшение.

Браслет сначала просто свисал с запястья, будучи слегка великоват. Но вскоре поверхность его дрогнула. И вот уже его диаметр сокращается, плотно обхватывая руку, и, на взгляд, — совершенно не изменив толщину.

— Это он, — почему-то шепотом сказала я и посмотрела туда, где только что сидел меняла.

Но того уже не было в таверне — он спешил. Ведь, в отличие от кубка, способного подчиниться каждому, в котором тоже заключена великая сила артефакта, браслет на девяносто девять процентов не должен был сработать. И откуда же меняле было знать, что я как раз и есть тот самый последний процент, которого браслет признает и активируется. Лунное серебро неизвестно откуда пришло в наш мир и почти полностью исчезло через непродолжительное время на многие сотни лет. Я почувствовала себя почти счастливой. Наконец-то он... мой.

— Эй, ты чего застыла? Я проследил — все самое свежее. Смотри! — И мышь радостно плюхнулся на стол, который тут же начал заполняться расставляемыми разносчицей блюдами.

Я улыбнулась и показала ему украшение. Мышь округлил глаза и потребовал дать потрогать.

— Слушай, а это и вправду он?

— Да.

— А что он умеет?

— Увидишь.

— Покажи!

— Не сейчас.

— Ну, Кэ-эт! — заканючил мыш, по уши вымазанный клубничным вареньем — начинки только что надкушенной им булки.

Я только отрицательно замычала, старательно набивая рот принесенной едой и стараясь не показывать, что и сама-то еще до конца не уверена, что браслет будет мне служить. А впрочем, он уже принял меня, как... друга, а значит, будет защищать... надеюсь. Кстати, салат и булочки — превосходные.

ГЛАВА 1

Вы когда-нибудь видели, как приезжают купцы на ярмарку? Нет? Зря! Это незабываемое зрелище. Куча повозок, кибиток, ругань стражников, огромные заторы у ворот. Но самое главное это то, что, выйдя из города, можно вдоволь бродить между кибитками, разговаривать со степенными торговцами, выпрашивая про привезенный товар, и даже посмотреть на него, а то и купить по пока еще не очень высоким ценам. Продадут, да и просто покажут, конечно, далеко не каждому. Тут уж как под настроение попадешь, да и как разговор начнешь.

Мы с мышом уже с раннего утра находились тут, выглядывая знакомые лица и знакомясь с новыми торговцами. Мыша тут помнили и уважали гораздо больше меня, хотя бы потому, что он всегда лез торговаться — даже тогда, когда я лишь приценивалась, совершенно не собираясь ничего покупать.

— Привет, дядя Гриша, — радостно машу восседающему на зеленой травке в стороне от всего этого шума и гама купцу. Ему бегать уже ни возраст, ни достоинство не позволяли. За него пошумят другие. А два высоких и сильных парня — его сыновья — за всем присмотрят.

— А, это ты? Присаживайся, — степенно кивнул он, и я тут же представила, что нахожусь не на открытом пространстве, отмахиваясь от приставучих мошек, а где-нибудь в гостинной, например в княжеских палатах, отчего тут же полезли комплексы, и захотелось куда-нибудь сбежать и переодеться в бальное платье для начала.

Мотнув головой, я согнала наваждение и тут же плюхнулась на расстеленный цветастый ковер, спуская мыша с головы на дыню и беря с блюда богатую ветвь сочного винограда. Мышь скатился с этой дыни и тут же смешно поковылял к

другой тарелке, на которой чинно покоились дольки уже разрезанной спелой дыньки.

— Умнь, мням, чавк, глм.

Дядя Гриша с улыбкой следил за нами. Это ведь именно он когда-то привез меня, еще совсем кроху, в этот город и сдал с рук на руки приемному отцу, после того как я убежала в лес, узнав, что я не родная дочь своей матери. Причем еще и не просто приемыш, а подкидыш неизвестной расы и племени. Тетка Роза после провела со мной воспитательную беседу, растолковав, кем и чем я являюсь для несчастной, заплакавшей все глаза мамки и для нее лично. Я поверила. Слишком уж были весомые аргументы: ремнем по мягкому месту и куча конфет с тортом после.

— Ну и чего ты теперь удумала, постреленок? Зачем искала дядю Гришу?

Я попыталась сделать оскорбленное лицо, но так как уже и сама испачкалась виноградным соком — вышло как-то не очень.

— А разве не могу я просто так прийти повидаться с другом?

По глазам поняла — не верят. Обидно.

Со вздохом отложив виноград, я принялась выкладывать свою страшную тайну и заодно проблему мирового масштаба, параллельно пытаюсь оттащить Пыха от дыни, опасаясь, что он лопнет, если продолжит поглощать ее такими темпами. Мышь сопротивлялся и кусал то дыню, то мои пальцы. Отчего рассказ приобрел живость и глубину трагедии.

— Дядя Гриша, ты понимаешь.... Ай, больно же! Все дело в том, что я решила выйти в свет и найти себе подходящую... партию... — Мышь в шоке повис вверх ногами (я держала его за заднюю лапку), переваривая услышанное. Но потом опомнился и снова вонзил свои острые зубки в мою ладонь. От неожиданности я его выпустила, пушистик рухнул обратно в тарелку — он теперь уже был весь вымазан в сладком соке, из-за чего ничуть не расстроился, а продолжил поедать дыню с утроенной скоростью.

— И ради этого мне нужно платье, а вот его-то у меня как раз и нету. Ну, Пых, ну, обжора, больно же! Так, о чем это я?

Я мотала рукой, на которой повис этот вредитель. Мышь угрожающе пищал, показывая всем своим видом и писком,

чтобы его оставили в покое, а потом разжал зубы и снова окзался в тарелке... с виноградом.

— И что же ты хочешь от старого друга?

Я немного приободрилась и отвлеклась от созерцания того, как несчастный Пых сидит между виноградом и дыней, не в силах выбрать: что есть дальше?

— От старого друга я хочу помощи в подборе наряда, и... — я подняла глаза на старое, но такое живое и знакомое с детства лицо, — совета.

— Ну что ж, — он задумчиво огладил свою роскошную бороду, — так и быть, есть у меня для тебя обновка. Как знал.

Я радостно взвизгнула и буквально бросилась ему на шею. Мышь вопил, что его придавили. А дядя Гриша только усмехался да гладил меня по спине.

Немного успокоившись, я снова села на место и постаралась не хихикать при виде мокрого, всклокоченного пушистика с половиной виноградинки, надетой на макушку.

— Эй, Карьян, иди сюда. — Дядя призывно махнул рукой, и тут же от скопища повозок отделился высокий рыжеволосый парень и побежал к нам. Он как был в моих воспоминаниях, так и остался очень симпатичным парнем. Впрочем, как и его брат-близнец.

— Что такое, отец? Почти все прошли, осталась последняя повозка, можно уже собираться. О, привет, Кэт. Как жизнь?

Я улыбнулась ему, а дядя быстро ввел сына в курс дела.

— Ты принеси мне платье, что я отдельно от остальных положил, в кованом сундучке.

— С зелеными листьями? — нахмурился Карьян, вспоминая.

— Да, да. Оно самое.

— Ясно, сейчас принесу.

И он побежал обратно к повозкам, искать требуемое.

— Да, кстати, а сколько оно мне будет стоить? Только не говори, что это подарок. Я уже взрослая девочка и могу зарабатывать себе на одежду. — Пыху я заранее заткнула рот, чтобы он не начал свою обычную речь о пользе подарков и наличия средств. Меня опять покусали, пришлось вместо руки сунуть ему в пасть кусочек дыни. Теперь какое-то время он и впрямь ничего сказать не мог.

— Ну что ты, девочка, какой уж тут подарок, не для тебя

ведь вез, а на продажу. Так что и цена будет довольно высока. Да и платье не какое-нибудь, а эльфийское.

Я серьезно кивнула, готовая ко всему. Мышь давился дыней, спеша ее прожевать, но раздутое от недавнего обжорства брюхо не позволяло это сделать быстро.

— Пять золотых, — озвучил цену купец. — Уж извини, а меньше я взять никак не могу.

Я сначала нахмурилась, но потом, вспомнив о полученном гонораре за кубок, просияла улыбкой.

Да-а... если бы не последний заказ, не видать бы мне эльфийского платья как своих ушей.

Мышь давился дыней, пытаюсь что-то крикнуть, я сунула ему в рот еще один кусочек. Пых упал на спину, тоскливо глядя в голубое небо и не в силах прожевать или выплюнуть свой кляп.

— Согласна. Конечно, при условии, что платье мне подойдет.

— А уж на этот счет ты не сомневайся: подойдет, да еще как. У меня-то глаз наметанный. А вон и Карьян бежит с ларцом. Сейчас сама все и увидишь.

Я согласно кивнула.

Платье действительно было великолепным. Даже не примеряя, я видела, что мне оно будет впору. И с трудом отогнала мысли о влюбляющемся в меня на балу принце. Ведь каждую девушку, считающую себя если и не красавицей, но точно не дурнушкой, хоть раз в жизни посещала мысль о чуде, которое бы превратило ее в жестокой реальности зеркала из обычной серой мышки в прекрасную принцессу.

Вот это платье и было именно тем самым чудом, которое сделает из меня принцессу. И мне совершенно не было жалко отданных за него пять золотых монет.

А вот мышу было плохо — и от обжорства, и от суммы потраченных на платье денег. И теперь, когда я, тепло распрощавшись с дядей Гришей и Карьяном, насвистывая, шагала обратно в город, он не переставая бурчал о моем транжирстве и безголовости, икая в перерывах между репликами и старательно придерживая сильно разбухший живот. Мне же было все равно: я счастлива, как ребенок, нашедший в сочельник подарок под разлапистой елкой, растущей во дворе.

— Слушай, ну не бурчи ты так, сейчас пойдем на рынок и тебе там чего-нибудь подыщем.

— Завтра.

— Что — завтра?

— Завтра пойдем. Сегодня купцы только к вечеру все войдут и закончат располагаться. Вот завтра и пойдем. А то вдруг упустим чего-нибудь важное!

Я пожала плечами: завтра так завтра, я не против, но за продуктами зайти все же придется. А то дома шаром покати.

ГЛАВА 2

Я стояла перед большим старинным зеркалом, с интересом разглядывая в нем свое отражение. Зеркало было с ветвистой трещиной, идущей через всю зеркальную поверхность. Я, помнится, подобрала его на свалке и притащила домой, решив, что нечего пропадать хорошей вещи.

Платье уже было на мне, и его нежно-зеленые переливы великолепно подчеркивали и выделяли красоту моих мерцающих сейчас, словно драгоценные камни, глаз. Высокие скулы, тонкий, слегка длинноватый нос, густые брови в тон темно-русые волосам... Ничего особенного. Но сейчас, в этом наряде, с этой прической и макияжем, я выглядела чуть ли не королевой, сошедшей с небес и рискнувшей посетить мир смертных.

Мышь сидел на раме и упоенно принимал участие в каждой из стадий превращения гусеницы в бабочку.

— Класс, мне нравится! Но чего-то не хватает.

Я нахмурилась:

— Чего?

Мышь довольно неуклюже взлетел и плюхнулся черной кляксой на плечо.

— Не чего, а кого! Меня, конечно.

Гордость и величие так и светились во всей его позе. Задумчиво изучаю новое дополнение к наряду... Цвет глаз тут же потускнел, платье поблекло, и его срочно захотелось постирать (особенно там, где сидела «клякса»).

— Нет, Пых, я не согласна. Тогда уж мне нужна сумочка, как у герцогини, и ты бы в ней сидел....

— Ну, вот еще — я и в чьей-то тесной сумке. Ничего не вижу, ничего не слышу.

— Слушай, ну ты же знаешь, как важен этот бал. Финансы почти на нуле, да и заказ на картину выполнить надо. Помнишь тот заказ, который месяц назад дал седой монах? Он еще пропал куда-то, и мы решили не браться. А теперь я подумала... за картину он предлагал немало — авось найдем другого покупателя. И деньги сразу появятся.

Пых тут же встрепенулся:

— Да, кстати, а как мы ее вынесем? Она же большая.

— А мы вырежем холст и свернем в трубочку. Я засуну ее за край чулка и спокойно выйду с ней, не привлекая лишнего внимания.

— А я что буду делать? — тут же надулся мышь.

— А ты подстрахуешь в случае появления нежелательных свидетелей, отвлечешь их там. Ну и конечно меня предупредишь, если появится кто. Хорошо?

— А это очень опасно?

— Необычайно, картина тянет на двадцать золотых.

Мышь проникся суммой и осознал всю важность операции, а потому без лишних слов полез мне в вырез лифа, или как он там называется?

— Мышь!

— Ну ладно, ладно. Придется лететь следом. Незримо и невидимо для всех.

Я вздохнула с облегчением. Мышь с тоской посмотрел на мою прическу.

— Даже и не думай об этом.

Он только фыркнул и отвернулся. А после и вовсе вылетел в распахнутое окно.

— Карета подана, мисс!

Карета и впрямь уже стояла около моего крыльца, и кучер с удивленным лицом разглядывал руины дома, уже раз пять сверившись со своей бумажкой. Но тут из проема выплыла я, и парень облегченно вздохнул, пряча бумажку с адресом в нагрудный карман и спрыгивая вниз, чтобы успеть открыть моей персоне дверь и даже, если повезет, поддержать под локоток, пока «мадмуазель» будет забираться в карету, стараясь не потерять достоинство и не рухнуть обратно вниз.

Уже почти исчезнув в теплом и темном нутре, заметила на

крыше несчастный съжившийся комочек, при ближайшем рассмотрении оказавшийся мышом.

Мне стало его страшно жалко, и я полезла на крышу.

— Госпожа, куда же вы? — удивленно спросил кучер. Пытаясь стащить меня вниз, он схватился за мою лодыжку. — Вам не сюда!

Отпихивая его, я случайно врезала ему второй ногой по лбу и все-таки дотянулась до несчастного Пыха, который с большим интересом наблюдал за происходящим.

Сграбастав свой трофей, я нащупала ногой край двери и кое-как вползла внутрь. Парень сидел на мостовой, потирая уже начинающую набухать на лбу шишку. Я ему старательно улыбнулась, пытаясь замять конфликт.

— Понимаешь, очень люблю летучих мышей, — на всякий случай тыкая пальцем в мыша.

Брови парня поползли вверх, встретились с шишкой и тут же вернулись на место. Он задумчиво кивнул и, уже не обращая никакого внимания на странную пассажирку, залез обратно на козлы и хлестнул вожжами.

Карета тронулась с места и плавно поехала вперед.

Я сидела в карете и вертела перед глазами красивую золотую карточку с выбитыми буквами приглашения. Приглашалась некая баронесса фон Йо'гурт, и мне оставалось только догадываться, как меняла умудрился его достать. А впрочем, какое это имеет значение? На празднике будет около сотни гостей, и вряд ли они все друг с другом знакомы.

Мышь сидел у меня на коленях, щурясь от удовольствия: я почесывала его за ушком, сглаживая недавнюю ссору. Мне уже все простили и объявили мир, дружбу и шоколад. (Мы оба его обожаем.)

Карета остановилась у довольно-таки пышного ковра ярко-алого цвета, расшитого по краям золотыми узорами. Я шепотом велела мышу вылететь после меня, как можно менее заметно. Пых кивнул ушастью головой, и тут как раз кучер соизволил открыть дверцу кареты. Я вежливо ему улыбнулась и протянула руку для опоры. Паренек долго не хотел ее брать, старательно игнорируя растопыренные перед его носом пальцы. Но я была настойчива. Короче, руку мою он взял, и я, садистски опершись на нее всем своим весом, выпорхнула наружу.

Красная ковровая дорожка, вежливо кланяющиеся у входа лакеи, молчаливые слуги, мелькающие в толпе прибывавших гостей и разносящие бесплатные напитки.

Я довольно улыбнулась, тряхнула головой и... разжала руку уже поскуливающего от боли кучера. Ой! Все время забываю, что силу надо соизмерять. Парень шарахнулся от меня, как от чумной, и тут же вскочил на козлы, стегнул кнутом по спинам лошадей. Карета с грохотом рванула с места, а из окна вывалился и заметался по сторонам Пых. Я помахала ему рукой. Пых кое-как сориентировался и тут же рванул в сторону замка, стараясь быть как можно менее заметным. Кто-то сзади удивленно вскрикнул, и я с тяжелым вздохом пошла в сторону распахнутых дверей шикарного замка, расположенного в самом сердце этого дивного сада.

Поднявшись по ступенькам, я столкнулась с улыбчивым лакеем, который вежливо попросил мое приглашение. Пожав плечами, я вручила ему свое приглашение и была тут же пропущена внутрь.

Оказавшись на широкой лестнице, ведущей вниз в огромный зал, я ненадолго замерла, с любопытством оглядываясь по сторонам и изучая присутствующих тут гостей. Но тут кто-то громко крикнул прямо мне в ухо:

— Баронесса фон Йо'гурт!!!

Не разбираясь, действуя на одних лишь рефлексах, я развернулась, схватила этого кого-то и тут же швырнула его прямо в зал, помогая себе ногой для придания нужного ускорения. Кто-то заорал, народ расступился, и по ступеням, вереща и ойкая, скатился мажордом.

Я замерла, испуганно оглядываясь и нервничая от заполнившей зал тишины. Гости тоже, открыв рты, изучали ново-явленную баронессу. Мажордом, как назло, не подавал признаков жизни, живописно раскинувшись на ступенях.

В оглушительной тишине раздался шелест крыльев, и на плечо опустилсямышь — последний штрих к создавшейся ситуации.

Пора сваливать?

И вдруг... рука. Кто-то взял меня под руку. Повернув голову, я увидела высокого, худощавого телосложения человека с мраморно-белой кожей, ежиком белых волос и неестественно черными бровями. Мужчина, держа меня под руку, демонст-

рировал ослепительно-белоснежную улыбку и впечатляюще острые клыки, — нет, он явно не человек.

— Я прошу прощения за мою гостью, — начал он красивым бархатистым голосом, словно теплая волна прокатившимся по нервам и заставившим меня трепетать. — Мой слуга имел неосторожность напугать вас и был совершенно справедливо наказан.

Я перевела взгляд на все еще находящегося в бессознательном состоянии слугу.

— Но эта маленькая неприятность никоим образом не должна повлиять на празднование моего дня рождения. А посему я прошу вас — продолжайте веселиться.

Толпа радостно загомонила, а мимо меня промелькнули две смазанные тени, бросились к мажордому и, подняв его, тут же утащили куда-то.

— Итак. — Я отвлеклась от теней и повернулась к нему.

И тут же вздрогнула, едва сдерживая рвущееся ругательство. Васильковые глаза, яркие, как небо в солнечную погоду. Ну почему из всех аристократов мира мне предстоит ограбить именно василиска?!

— Как вас зовут, прекрасная незнакомка?

Мышь, открыв рот, смотрел на моего невольного спутника, который и не думал отпускать меня даже теперь, когда все было улажено.

— Только не врите мне, что вы баронесса фон Йо'гурт. Я знаком с ней лично.

Сжала зубы и мысленно дала себе хорошего пинка. Помогло. По крайней мере, я уже не паялилась на него, как кролик на удава.

— Гм, многие дамы теряют речь при виде меня, но вы первая, кто молчит уже столь долго. Может, вы — немая?

— Да, — брякнул мышь.

Я вздрогнула и удивленно на него уставилась. А этот охламон уже пришел в себя и продолжил нагло врать:

— Ее в детстве часто роняли головой, так что она прикусила себе язык. А я — телепат и могу читать ее мысли.

— Да? — Мужчина выразительно заломил правую бровь, изучая нахальную мордочку мыша. Я же усиленно соображала: придушить Пыха сейчас или временно отложить столь блестящую идею до лучших времен.

— И о чем же она сейчас думает?

Мышь состроил сосредоточенную мордочку. Мы с василиском с любопытством на него уставились.

— О, она думает, что вам следует отпустить ее руку.

Нет, все-таки отложу идею его придушить до лучших времен.

— И... — Мышь выдержал длинную паузу и, с гордостью оглядевшись, медленно закончил (мне уже и самой было интересно, о чем же это я думаю?): — Вы самый красивый мужчина в этом зале.

Василиск с интересом перевел взгляд на мое покрасневшее лицо. В мыслях я уже поджаривала мыша на медленном огне.

— Приятно слышать это от столь прекрасной девушки.

Я отвлеклась от процесса поджаривания мыша, минуты на две. Обдумывая сказанное василиском, пока граф тащил меня за собой в зал.

Он что, назвал меня прекрасной? Так, мне срочно нужно зеркало.

— Может, бокал вина? Игристое вино, недавно привезенное с эльфийских островов.

Беру протянутый мне бокал и осторожно из него отпиваю. Напиток растаял во рту, оставив после себя приятное послевкусие, прокатился по пищеводу и осчастливил своим присутствием желудок, сражая наповал буйством букета и крепостью. Меня шатнуло. Он тут же обнял меня за талию, поддерживая.

Мышь громко и активно упрашивал поделиться напитком. Я ему показала аристократический кукиш, куда-то шагая вслед за василиском.

Но тут зазвучала музыка, люди вокруг расступились, и я наконец-то поняла, куда именно меня привели. В бальную залу! Кошмар! Я же не умею танцевать. Это провал, любая аристократка изящна и грациозна с детства.

— Надеюсь, вы не откажете мне в одном танце? — жарко прошептал он мне на ушко.

И все, что я смогла, это мычать, закатывая глаза и дергая тем плечиком, на котором сидел мышь.

Василиск, следя за моими конвульсиями, вопросительно посмотрел на Пыха.

— Она очень хочет потанцевать с вами и уже начала, — просветил его тот.

Мужчина ласково мне улыбнулся и начал вести меня в тан-

це. Я поняла, что это — полный провал. Но все же умудрилась улыбнуться ему в ответ.

Сначала я отдала ему правую ногу, потом споткнулась об левую. Но он только улыбался, видимо, обладая зачатками мазохиста. На второй минуте «танца» я отдала ему обе ноги сразу, причем правую ногу — каблуком и с размаху.

Стон, слетевший с его губ, был мне ответом. Мышь, уже понимая бедственность моего положения, пытался было считать в такт музыке, но постоянно сбивался, следя голодным взглядом за мелькающими в толпе подносами с едой.

Раз, два, три, раз, два, три. Ногу вправо. Теперь влево. Раз, два, три, раз, два, о-о-о еда!

В этот раз я умудрилась повернуться так, что наступила каблуком на подол платья. Я начала падать, а граф, стараясь меня удержать, дернул меня назад. Но тут я еще и двинула ему коленом в живот (ума не приложу — как). И в итоге мы все-таки упали. Правда, я оказалась сверху.

Вокруг удивленно зашумели, тут же начала собираться заинтересованная толпа. Я мучительно соображала: как выйти с достоинством из данной ситуации. На спине убивался мышь. А подо мной лежал василиск и заинтересованно изучал лепнину на потолке, даже и не думая убирать руки с моей талии.

Я возмущенно дернулась, но безрезультатно. Ну, правильно: куда мне против него — смех и только!

— Вам помочь?

Я оглянулась, пытаюсь понять, кто там такой сердобольный.

Но тут он все-таки сел, а потом еще и встал. При этом я не осталась лежать на полу, а оказалась — у него на руках, возмущенно сопя.

— Баронесса упала и ушибла ногу. В этом я вижу полностью свою вину, и поэтому я должен ненадолго удалиться, дабы послать за доктором и препроводить его к пострадавшей. — С этими словами василиск развернулся и куда-то меня понес. Я не сразу сообразила, что происходит, а когда поняла...

— Пусти меня!

Я брыкалась, извивалась, пару раз укусила его за плечо.

— Пусти, хуже будет!

Ноль внимания на бедную несчастную меня — как шел ку-

да-то со спокойным и даже умиротворенным выражением на лице, так и идет.

— Так. Ты хоть можешь сказать, куда ты меня тащишь?

— В гостевую комнату.

Ну наконец-то хоть какая-то реакция.

— А зачем?

— Хочу поговорить без свидетелей.

— А зачем тогда тащить меня на руках? Я вполне могу пойти сама.

— Мне так спокойнее. — И он так нежно мне улыбнулся, что защемило сердце. А по коже проскакали табуны мурашек.

Гм... я что, влюбляюсь? В василиска?! Бред.

— Ну вот мы и пришли.

Меня аккуратно, будто хрустальную вазу, положили на небольшой диванчик. После чего он пошел закрывать дверь на ключ. Я уже не возражала, с любопытством оглядываясь по сторонам. И тут... картина! Причем не какая-то, а та самая, изображение которой мне показал меняла. Я застыла, пожирая ее глазами и не в силах достать. Мышь тоже взглянул на то, что вызвало у меня такой интерес, и ошарашенно пискнул, изучая шедевр.

— Нравится?

Я вздрогнула, отводя взгляд от столь вожаделенного полотна. На нем, кстати, было изображено море и небольшая лодка, взбирающаяся на огромную волну при свете всего одной устрашающе реальной молнии. Я молча кивнула.

— Люблю побаловаться красками на досуге, эта чем-то зашла мне в душу, и я повесил ее здесь.

Смысл сказанного дошел не сразу. А когда дошел...

— Так ты что, сам рисуешь? — удивленно.

Он кивнул и сел рядом со мной. Мне почему-то стало жарко. Я старательно отодвинулась назад.

— А теперь, может, расскажешь — кто ты и почему так внезапно прошла твоя немота?

Мысленно я еще разок себя пнула. Нет, ну как не стыдно забывать элементарные вещи!

— Снова онемела? — полюбопытствовал он.

Я отрицательно тряхнула головой, все еще не зная, что сказать. Василиск сидел и спокойно ждал, когда я, наконец, вновь соизволю произнести пару фраз.

— Я... мы... ну...

Глубокие складки бороздили мой лоб, разыскивая проблемски светлых идей.

— Понятно, — вежливо кивнул он, — а дальше?

— О-о...

Я огляделась по сторонам в поисках мыша и тут же его нашла. Сидя на раме, он небольшим ножичком аккуратно резал холст по краям, знаками прося отвлечь хозяина замка. Я в ужасе на него уставилась.

— Э-э-э...

Мужчина тяжело вздохнул и хотел было встать, но тут я все-таки выдала более или менее внятный ответ:

— Я — Кэт.

— Это первое разумное слово за наше с вами общение. — Он сел обратно.

— А... тебя как зовут?

Он удивленно приподнял брови, я с трудом сообразила, что, явившись в этот замок, могла бы хоть поинтересоваться — как зовут его владельца.

— У меня память на имена короткая, — старательно покраснела я, краем глаза наблюдая, как мышь ползает по холсту уже вверх ногами. Волна собралась гармошкой, а лодочка безнадежно утонула в складках.

— Мое имя ни для кого не секрет. Я — граф Дрейк Василевский. Для друзей — просто Дрейк.

Сзади раздался жуткий треск — мышь полз вниз, пока картина рвалась вдоль вертикальных сторон рамы.

Дрейк удивленно обернулся, но я вовремя закрыла ладошками ему глаза, лихорадочно соображая, что делать дальше. Мышь мучительно отпиливал последний, нижний край полотна.

Дрейк замер, не делая попыток убрать со своего лица мои руки.

— И что все это означает?

— Э-э-э, понимаешь, мышь готовит тебе сюрприз: подарок на день рождения от нас двоих. И... он пока еще не закончил, так что тебе смотреть пока нельзя.

Мышь удивленно на меня покосился, а потом рывком оторвал картину полностью. Пустая рама не выдержала и рухнула на пол, припечатав Пыха к полу.

— Ты уверена, что с ним все в порядке? — тихо спросил граф.